

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б82

Иллюстрация на обложке *Елены Капич*

Борисова А.
Б82 У звезд холодные пальцы : роман / Ариадна Борисова. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 576 с. — (Имена. Российская проза).
ISBN 978-5-389-30559-5

С тех пор как в Осень Бури главный жрец Сандал принес в юрту Манихая и Лахсы новорожденную девочку, прошло без малого десять весен. Назвали ее Илинэ, и выросла она светлолицой, бойкой, спорой в домашних делах на радость приемной матери.

Но не было ни дня, чтобы Сандал не вспоминал о своем тяжком поступке. Разлучая Илинэ с ее настоящим отцом — воеводой Хорсуном, — жрец хотел наказать того за надменность. Он мстил не за себя, а за Белого Творца — так успокаивал себя Сандал бессонными ночами.

А тем временем страшный странник вернулся в долину реки Элен, чтобы подготовить передел земного мира. И заметили его только равнодушные звезды.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30559-5

© Борисова А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Домм первого вечера¹

ИДУЩИЙ ВПЕРЕДИ

В середине Голодного месяца драчливые ветра прежде срока пошатнули ледяные рога Быка Мороза, грозного мужа старухи Зимы. Вслед за первым рогом в Коновязь Времен почти сразу рухнул второй. Уходя раньше обычного, тающее чудовище взревело от обиды бесснежной вьюгой и насухо вылизало обнищавший наст. Лесные старики проснулись в берлогах, а земля почти вся уже черная. Люди заторопились к летним домам и пастбищам. Не переедешь на летники вовремя — скот потопчет сеносные уголья возле зимних жилищ.

Еще в начале вскрытия рек Манихай пообещал жене провести пастбище у озера Травянистого, починить стоящий там тордох. Обещать было не тяжело, но как теперь до дела донести, когда время ужалось впритык? Досада разбирала: помочь-то некому! До-

---

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

ма остались младший сын-калека Дьоллох и приемыши-недоростки — Атын с Илинэ.

С калымов, взятых за дочерей, семья разжилась шестью дойнными коровами с приплодом, ездовым быком и табунком в двенадцать голов. Имели бы больше, однако случилось справить калым старшему сыну. Он, как и дочери, жил далеко. Поехал однажды в гости к сестре Нюкэне и женился на тамошней девке, осел примаком в чужом роду. Манихай злился: не бывало такого допрежь, чтобы мужи покидали родной кров. Сыновьям полагается приводить жен из других родов в отчий дом, вести хозяйство и ублажать отработавших свое родителей... Ан нет, все теперь не по заветам отцов!

— Много детей — плохо, мало — тоже плохо. Много скота — плохо, мало — еще хуже, — вздыхал Манихай, разговаривая со своей ленью, будто с живым существом. — Смирись, покорись, лучше труды, чем бедность...

Заведенная с утра Лахса едва рот раззявила, а ни слова сказать не успела: кликнув ребят, Манихай шмыгнул за дверь. Дорога перед быком словно сама поскакала вперед с горки на горку. Не прошло времени и полутора варок мяса, как за бугром показался двор над излучиной озера. С опаской глянул хозяин — ну как совсем развалился тордох? И от души отлегло: стоит, бедолажка!

Растянулся Манихай на лежанке, не снимая дохи, и немедленно захрапел. Лахсы здесь нет, некому жужжать над ухом, а дырья из стен никуда не сбегут, все равно придется латать. Только б лень, отдохнув, отступила перед неминуемой трудовой неволей...

Пока глава семейства хозяйничал во сне, ребята надрали в лесу кору для тордоха, загрузили сани дровяным сухостоем, чтобы не порожняком домой возвращаться. Быстро время бежит, если работа в охотку. Не заметили приближения вечера, починяя жильё. Лишь тут из дверей вылетел ошалелый Манихай со скособоченным от спешки ртом. Продрав заспанные глаза, оглядел чисто убранный двор, полные хвороста сани. Почесал всклокоченный затылок и вздохом-стоном огласил окрестности. Удивление, вину, благодарность, а пуще того — безмерное облегчение вместил в себя этот протяжный вздох.

— О-ох, молодцы! Не знал, что совсем взрослые вы у меня. Ну, стало быть, к дому!

Едва ли не втрое длиннее показался умаявшимся ребятам обратный путь. Волдыри на руках огнем возгорелись, по спинам прокатывалась знобкая дрожь. Манихай в прекрасном расположении духа восседал верхом на быке. Не понукал скотину и помощников не подгонял. Блаженно озираясь вокруг, любовался весенней землей и веселую песенку насвистывал, на радость горному эху. Недаром говорят: человек саха как примостится на бычьем хребте — певец!

А и было чем любоваться, отчего напевать! Почки верб распушились ярко-желтой пылью, на склонах холмов задымились ворошки подснежников, словно непутевые ветра в мелкие клочья изорвали здесь зазевавшуюся тучку. Однако подумалось, что нынче цветов взшло небогато. В прошлую-то весну сами холмы казались облаками из-за цыплячьего пуха бутонов. Плохую примету ворожит Молочный месяц. Видать, засушливым годом решил отомстить Бык Мороза торопкой весне.

Манихай решил размять кости неспешной ходьбой и слез с быка. Не мешало нагулять к ужину приятную усталость в теле и здоровое желание еды. Почему бы ребят не порадовать какой-нибудь историей? Заслужили! Вроде бы притомились и еле ступают, а глаза-то вон как порскают по сторонам, примечая весенние новости. Юным — что, с их рук водяные мозольки вместе с грязью слезают.

Языком трепать — не лопатой махать, а рассказчик Манихай неплохой, в отца Торулáса, умельца сказывать байки о ботурах да волшебниках. Отец, между прочим, и сам обладал волшебным подспорьем — имел духа-хранителя, бестелесного двойника. Может, об этом поведать ребятам?

— Ты, Дьоллох, просил рассказать о дедушке Торулáсе, — начал Манихай, и дети придвинулись ближе. — Был он не простым человеком. Помнится, перед тем как ему с охоты вернуться, со двора доносился свист — любил отец насвистывать песенки себе под нос.

— Как ты, — засмеялся Дьоллох.

— Разве? — удивился Манихай. — Ну так вот, слушайте дальше. Матушка котелок к огню подвешивала и говорила: «Недалеко хозяин — мясу доспеть». Я возражал: «Явился уже», торопился дверь отворить, а во дворе пусто. Матушка, бывало, лишь улыбнется хитро. А только сготовится мясо — отец тут как тут. Заходит, весь увешанный зайцами, большой и белый, точно ходячий сугроб!

— Это дед свист вперед гонцом отправлял? А как?

— Не спеши, Дьоллох. — Манихай отогнал от себя видение жарко дымящегося мяса, сглотнул слюнки. — Скоро ложка мелькает в руках голодно-

го, а добрая история горячки не любит... Мне тогда, как и тебе, шибко хотелось выведать, как свист отца опережает. А матушка брови хмурила за его спиной: помалкивай! Я и молчал поначалу. Но любопытство хуже гнуса зудело, сил не достало терпеть. Принудил я матушку открыть секрет. «Первым знаки подает Идущий впереди, — обмолвилась она. Оглянувшись сторожко и строго-настрого предупредила: — Никому не проболтайся, не то братец обидится и покинет нашего старика!»

— Что за братец?

— Ну, теперь-то можно сказать. Незримый дух, данный человеку богами для отвода несчастий. Не просто понять, друг он или стражник, хозяин или слуга... Позже матушка уверяла: по всему сдается, что боги тут ни при чем. Это-де и впрямь братец-близнец, застрявший между мирами. А жить-то любому охота, потому нерожденный приходит к земному брату на выручку и помощью этой живет. Впереди идет потому, что боится на Орто ненароком увязнуть душою, оставить свое одинокое тело в ином бытии.

— Совсем-совсем не видно его?

— Насколько известно, двойник может показаться во плоти в злую пору.

— Брату или другому?

— Э-э, так и будете вопросы задавать? Рассказать не успею до дому, — рассердился Манихай.

С укором толкая друг друга локтями, ребята примолкли.

— Чего с отцом ни приключалось — все как с ящерики хвост, сойдет скверное, и жив-здоров. Дрался на войне с гилэтами — ни царапинки не получил. Попал к барлорам в полон — ускользнуть изловчился.

Заблудил волчий ветер, от которого никто не уходит! Было еще, лодка в бурю перевернулась на середине реки, и все, кто в ней сидел, потонули, а отец вдруг мель ногами достал. Словно по мосткам развернутым на берег вышел пешком. Потом люди проверили — не оказалось там никакой мели. Не зря молва толкует о тех, кто отмечен подарком богов: «Этот трижды сгинет и трижды воскреснет!»

— Разве так можно — умереть и ожить?

Манихай отмахнулся, продолжил дальше:

— А как-то, помню, побился отец об заклад, что из любых пут освободится. В лесу привязали его спорщики к дереву. Сами домой вернулись, уселись за стол. Обсасывая гусиные лопатки, гадали на косточках: развяжется ли до ночи? И тут человек зашел в низко надвинутой шапке, молвил с обидой: «Что ж меня-то с обедом не подождали?» Смотрят приятели — а это он, Торулас!

Шлепнув быка по употевшему крупу, Манихай аж крякнул в досаде:

— Эх, жаль, выиграл-то всего ничего — старую клячу! Надо честно признать, Дьоллох: твой дед меры разумной не знал в расточительстве. Ведь мог бы запросто добрую телку взять, вдобавок лосиные шкуры на лодку, котел с мясом доверху...

— И долго двойник ему подсоблял? — осмелился перебить Дьоллох, уводя отца от излюбленных рассуждений.

— Всю жизнь. До той беды, которую даже он, верный хранитель, не сумел отвадить. Однажды на празднике Новой весны отец на целых три легенды опередил приезжего сказочника и посмеялся над ним: дескать, что ж ты, любезный, издалече ташил

свой невеликий запас в наш богатый лабаз? Лихо-то и пришло: оказался соперник черным шаманом. А дразнить такого, все знают, равно что руку в жилую берлогу совать... Затаил чародей на отца лютую злобу. Подкараулил его за углом юрты и метнул в голову острый топор. Ткнулся отец в стену, пригвожденный, и остался стоять с раскроенным черепом.

Ладони Илинэ вспорхнули ко рту.

— Помер!

Взбудораженные мальчишки забежали на шаг вперед, словечко боясь пропустить. Манихай ухмыльнулся:

— Вот и нет! Подбежал шаман выдернуть топор, а убиенный обернулся живехонек да как расхохочется ему в лицо! Помчался злодей прочь, сам полумертвый от страха. После, поди-ка, смекнул, что угодил не в человека. Раскусил колдовским разумением: не иначе есть у Торуласа Идущий впереди. Наш дед топал как раз за спиной духа-спасителя, даже испугаться не успел. Услыхал смех двойника, приметил сиганувшую в сторону тень и споткнулся о топор, будто слетевший с неба. Рассмотрев хорошенько, понял, кто покушался на его жизнь. Черень был приметный, с кривизной, у нас-то исстари прямые стругают... Созвал тогдашний старейшина малый сход, кликнули чужого сказителя. Делать нечего, признал свою вещь хозяин. Сказал, что нарочно мимо кинул. Хотел якобы попугать. Аймачные не поверили и топор не вернули, оставили отцу на память. Велели ему впредь хвастать меньше — сам накликал. Чужака изгнали, да разве кто шаману указ? Прошли две весны, а на третий год в Месяц водяных духов, в красное полнолуние, поднялся во дворе ди-

кий вой и визг. Мы с матушкой в угол забились, тоже давай орать с перепугу. Отец схватил памятный топор — и на улицу. Глядь: вертится на тропинке метельный столб, да так прытко — глазам больно смотреть. Сам узкий, как коновязь, а сверху чародейская башка вращается и вопит истошно. Влево отец — столб влево, вправо отец — столб за ним. Пришлось швырнуть в него топором.

— Попал?!

— А то, — горделиво выпрямился Манихай. — Должно быть, шамана оберегали заклятья от чужого оружия, а от своего остеречься не догадался. Замертво рухнул у крыльца. Вонзилось лезвие точнехонько в черное сердце... Отец аймачных вызвал, объяснил им, как все получилось. Старшины распорядились поскорее схоронить лиходея, пока не сделался Йором — мертвым духом мести и зла. Зря не сожгли... Завязали ему рукава крест-накрест и положили в листовенничную колоду. Лишь рассвело, повез отец шаманское тело через Большую Реку подальше от Элен.

Затаив дыхание, дети тесно прильнули к Манихаю, присевшему на запятки заполненных дровами саней. Бык дернулся, не пожелал превозмочь натуги и встал.

— Уже после отцовской смерти матушка рассказала мне, что бедняге довелось пережить. Днем труп внезапно ожил и закопошился в колоде. Доколе было светло, удавалось беспокойного усмирить. Но вот стемнело, выехали сани на алас с одинокой сосной, и вылез мертвец! Слетел с саней наш старик. Бросил в воскресшего злыдня все тот же топор — посередь лица угодил. Нос напрочь, только ноздри в снегу мелькнули. А покамест шаман пытался рукава раз-

вязать и в поисках носа ногами шарил в сугробах, отец взлетел на сосну. Пуще вызверился неугомонный и ну расшатывать ствол, лбом колотить, зубами грызть, зверем рычать! Щепки в восемь сторон брызжут, на весь лес треск-хруст стоит. Сосна шатается, норовит отца наземь сбросить, а не может — вцепился клещом! В тряске и жути прошло какое-то время, луна к западу повернула. У отца руки замерзли, пальцы вот-вот сосульками зазвенят и отвалятся... Начал молиться богам, чтоб взяли душу раньше, чем мертвец до него доберется. И вдруг словно из-под земли еще кто-то показался внизу...

— Кто?!

— Он сам, Торулас! Держит в руках подобранный топор и смотрит вверх на него!.. Взмахнул топором и отсек шаману башку. Поскакало безголовое тело к колоде, внутрь послушно нырнуло. Дух-двойник повелел отцу отыскать оттяпанный нос, воткнуть на место и схоронить покойника. Молвил это — и сгинул, будто поблазнился. До утра жег отец костры и мерзлую почву для могилы копал, весь день искал в сугробах пропажу. Не нашел. Испугавшись наступления вечера, предал земле безносого.

Манихай, охая, встал и потянул упертого быка за продернутое в ноздрях кольцо. Тот повел на хозяина влажным оком и не спеша тронулся к близким взгорьям Крылатой Лощины.

— Что после-то было? — Дьоллох нетерпеливо дернул отца за рукав.

— После... э-э... летом пришли в долину тонготы, — проговорил Манихай, с трудом заставляя ноги передвигаться. — Сообщили, что к северу от Эрги-Эн объявилось проклятое место — алас с одинокой сос-

ной, и кто-то там под землей воеет страшным голо-
сом, требуя возвратить то ли глаз, то ли нос, а если
не отдадут — бедами грозит Элен... Отправился отец
в лодке на левый берег. Мало не весь алас на коленях
исползал и отыскал-таки в траве порядком истлев-
ший нос. Потом колоду с покойником выкопал. Толь-
ко открыл ее — ожившая башка вскочила на косицы,
как на ножки, завизжала злобно. Но вернулась поте-
ря — утих шаман, скопился на нос, довольный. И раз-
дался шум-треск: кривая сосна выпрямилась. Глянул
отец в колоду, а чародейская голова лежит уж гнилая,
полная жирных червей... С той поры и захирел наш
старик. Как ни упрашивали, легенды на праздниках
больше не сказывал. Начал точить его сердечный не-
дуг. С этой невзгодой и двойник не сумел справиться.
Никому не под силу поменять больное сердце на
здоровое, ни духам, ни даже богам.

Дьоллох открыл было рот для вопроса, но Мани-
хай полагал, что сполна рассчитался за сегодняш-
нюю помощь, и опередил сына:

— Все, пострелята. Другую историю потом рас-
скажу... если будет за что.

Тут и дом показался у мыса.

* * *

К переезду собирались снарядиться засветло, но
к утру Лахса никак не могла добудиться Манихая.
Уработался, видно, на летнике, едва приполз ввече-
ру. Проснулся сердитый, заворчал, что копылья в по-
лозьях саней потрескались, могут не выдержать тя-
жести скарба и сокрушиться в дороге, да радуйся,
если не в лужу. Прихватив бурдючок с кумысом, от-
правился с Дьоллохом к соседу, плотничающему по

мелочи. Илинэ убежала к коровнику укладывать телят в камышовые корзины.

Еще давеча, сворачивая свою постель, Атын заметил втиснутую в углу между жердями берестяную завертку. Самое время вынуть, посмотреть, что там такое. Кто-то постарался сунуть комочек поглубже, пришлось расковырять мох в щели ножом. Береста раскрошилась в руках, и мальчик вскрикнул от изумления: в ладонь его лег маленький темный идол, чуть тронутый белесоватым налетом.

Атын встал у окна, с недоумением взгляделся в овальное тельце, хрупкое на вид, но довольно жесткое и костистое на ощупь. Ссохшаяся, сморщенная куколка напоминала одновременно птенца-голыша, гигантского паука, а больше всего — человечка. Уродца с пригнутой к груди головкой величиной с сосновую шишку. Во впадинках глазниц под покатым лбом виднелись плотно сомкнутые, чуть вдавленные веки. Руки как лучинки, кулачки прижаты к подбородку. Скрещенные лапки-ножки воздеты к животу в тонких волнах ребрышек. Умелец, смастеривший идола, умудрился даже пальчики на ножках изобразить, вплоть до мизинцев.

Для чего эта поделка, кому принадлежит? Из какого неведомого вещества сотворена? Ясно, не из глины, не из дерева. Похоже, составлена из косточек грызунов и обтянута тонко выделанной кожей, а после кожа крепко подсохла на человечке, пока в щели дожидался. Атын поднес его к носу: пахнет заплесневелой мышьиной шкуркой... Вот удивятся брат и сестренка! Правда, идолами нельзя играть. Но, может, это не идол?

Мальчик помедлил, не решаясь подойти к Лахсе, спросить у нее, откуда взялась чудная куколка.

Прошлой весной Манихай объяснил ему, что он не родной в этой семье. Атын пережил сообщение стойко и больше не называл Лахсу матерью. Теперь он старался обращаться к ней как можно реже, скупая по ее ласкам и стыдясь сам не зная чего. Но тут, взволнованный диковинной находкой и тем, что они с Лахсой дома одни, поддался порыву, подбежал и уткнулся ей в грудь:

— Матушка!

Лахса от неожиданности уронила на пол свернутый узел.

— Я... человечка... нашел в стене, — сбивчиво проговорил Атын, не поднимая головы.

В другое время Лахса бы возликовала, обняла любимого сына крепко-крепко. Ужели он ей не сын? Ну и что, что кузнецова женка носила его девять месяцев и вывела жить на Орто! А кто грудью вскармливал, кто растил-воспитывал, от болезней спасал, недосыпая ночей?!

Жгучая ревность донимала Лахсу с тех пор, когда она вдруг сердцем поняла, что близится время ухода сына к чужой женщине, палец о палец не ударившей ради него. Ломало и корежило от мысли о том, что Урана, благосклонно приняв готовое, примется вить в душе мальчика свое гнездо... И не будет в новой жизни Атына места Лахсе, станет она для него нянькой-кормилицей, чей долг довершен и оплачен сполна. А мальчику каково близких покидать, перебросившись, будто из одной страны в другую, колючим ветром Дилги? Чужая станет семья.

Ах, чужая!.. Слово, костью встающее в горле! Дьолох заранее переживает, задает вопросы, на которые не тут же ответишь. Есть и его заслуга в том, что вы-

рос приемыш справным парнишкой. Илинэ все не может понять, почему Атын должен уйти. А разве он не любит брата и сестренку? Он и Манихая любит. Заботится о нем — глазам-то все видно! Прислонит, бывало, одеяло к горячему боку камелька и бежит скорее к вечно недужному главе семьи — укрыть, укутать теплом...

Обида Лахсы всколыхнулась горячей волной и отвалила мгновенно, уступая место внезапному страху. Узрев на ладони мальчика округлый серый скелетик, женщина обмерла. Прислонилась к столбу, чтобы вслед за узлом самой на пол не пасть. В глазах потемнело, в ошалевшую голову ринулось воспоминание, умело вытравленное из памяти колдуньей Эмчитой.

Слепая знахарка вырезала «грыжу» Атына, когда ребенку исполнился год. Пошептала над нею и закрутила в кусок бересты. Наказала обкурить можжевельником, положить в турсучок тюктьюе и закопать подальше от глаз.

Кто бы стал с обычной болячкой столько возиться? Чуткая ко всему недоговоренному, Лахса не зря заподозрила неладное. Принялась выспрашивать старуху и допыталась-таки на свою дурную башку, а лучше бы не ведала ни о чем. Мертвым зародышем-близнецом оказалось то, что все принимали за грыжу!

— Будешь проходить мимо дома Ураны, шагай задом наперед, тогда злых духов обманешь, — велела Эмчита. — Как закопаешь двойника, все мысли о нем постарайся чисто-начисто в голове стереть. Если сболтнешь кому — беду призовешь на сына кузнеца. А ты его любишь, вижу.

Потрясенная Лахса мимо ушей пропустила последнее, странное для слепой слово. Клятву дала рта не раскрывая об Атыновом братце. Добралась до дома, сунула плачущего ребенка в руки Нюкэне, а сама побежала в коровник, сгорая от ужаса и любопытства. Затаилась с зажженной лучиной за коровьим боком. Боясь прикоснуться, развернула бересту и долго разглядывала одеревенелую фигурку. Каждая морщинка, каждый изгиб темного тельца накрепко вжились в память, будто собственная голова послужила Лахсе тем тюктьюе, о котором говорила Эмчита. Не было у Лахсы турсучка, потому до времени затолкала человечка куда-то. Даже можжевеловым не обкурила, торопясь.

Язык зудел и жегся нещадно, словно вздулась на нем мозольная желвь, хоть ногтями дери или губы зашивай жильной ниткой. Кое-как Лахса скрепилась. Чтобы ненароком не выпалить тайну, додумалась камень в рот сунуть. Только на ночь его вынимала. Три дня немотствовала, немислимую пытку терпя. Манихай перепугался: пучит жена глаза, жалобной телкой мычит, а сама ни полслова. Едва до обморока не довел расспросами. Зато, проснувшись на третий день, затарахтела женщина без умолку. С утра до вечера язык с наслаждением скребся о небо, но о странном покойничке и краешком не проговорился. Забыла о нем Лахса. Закопался Атынов двойник под ворохами ее мыслей, свернулся-затаился, как злой дух на дне турсучка.

Лишь сейчас осенило короткопамятную: должно быть, Эмчита что-то с ней сотворила, если и потом ни разу не вспомнился берестяной кокон, чреватый страшною куколкой. Слепая-слепая, а все видит, все

чет зрячими пальцами... И надо же было не кому-то, а самому Атыну на брата наткнуться!

Мальчик опомнился и смущенно отстранился от Лахсы, но повторил:

— Матушка...

Они были вдвоем, некому глянуть с усмешкой, напомнить о чужой тетеньке Уране, родной его матери. Атын знал: Лахса не напомнит. Он видел Урану всего два раза, и то издали. Нисколько она ему не понравилась, хотя ходила в богато расшитой одежде, красивая, высокая и длиннокобая. Его Лахса, пусть толстая и низенькая — ростом он ее догнал, — все равно казалась лучше, потому что... потому что лучше, и все.

— Скажи, это идол?

Лахса медлила, не зная, чем бы тайну полочнее прикрыть. Может, сказаться незнающей? Удивиться запоздало либо прикинуться занятой и пообещать, что позже объяснит? Но долго ли удастся тянуть с ответом? Не к ней, так к Манихай пристанет настырный мальчишка. А муж непременно заинтересуется, примется кричать-воскликать, бегая и руками размахивая... Сам помчится всем показывать идола! Найдутся любители диковин, предложат поменять на что-нибудь, а Манихай и рад, приступит к торговле. Как же ему тут героем дня не побыть, коль такая удача выпала?! Любопытный народ набегит, начнется суматоха, посыплется всякие толки-догадки, весть об удивительной находке Атына разнесется болтливым ветром по всей Элен... До Ураны скверные разговоры дойдут, до Эмчиты! Жрецы станут вещать недоброе, старейшина Силис Большой сход соберет!

— Матушка, ответь же, что это за человек?

Страшные видения схода замельтешили было перед глазами Лахсы и втянулись обратно в мысли. Не успела прикусить вновь зачесавшийся язык, как вылетело в сердцах:

— Близнец твой!

Глаза Атына вспыхнули изумлением и радостью:

— Брат-близнец?! Значит, и у меня он есть?

— Стало быть, есть, раз в руке его держишь... С тобою пришел... застывший, неживой... помер еще в утробе... Никто, кроме меня, о нем не знает, и кузнецова семья ни сном ни духом не ведает... И не должна... Отдай, схороню в безопасном месте, — лихорадочно забормотала Лахса, протягивая к человечку дрожащие пальцы.

Мальчик попятился, убрал братца за спину:

— Сам спрячу. Пусть будет со мной. Не беспокойся, никому о нем не скажу. Даже Илинэ и Дьоллоху. Я знаю, о двойнике нельзя говорить, а то обидится и уйдет.

— Куда уйдет? — тупо спросила Лахса, покачиваясь на излете с простертой рукой.

— В иное бытие, откуда пришел Идущим впереди, чтобы меня защищать.

Пол наконец перестал колыхаться зыбучей трясинной под ногами Лахсы. Остановилась, осев на пятки. Смятенно вперилась взглядом в окно. Где мальчик набрался непонятных суждений? Ругала себя: вот как аукнулась нынче ее беспечность!

— Ладно, коли сам решил, так спрячь хорошенько, — дозволила, понимая, что не сможет отнять у Атына братца.

— Дай мне мешочек из-под кресала, — обрадовался сын. — Стану в нем близнеца носить.

— Ой, не надо, — затосковала Лахса. — Лучше бы в землю...

Атын не мог скрыть удивления:

— Зачем же?

Забывшись, обхватил широкий пояс Лахсы по-детски тонкими, но уже сильными руками, и она обняла подросткового сына.

— Кто же, как не брат, двойник мой, оберегать меня станет, когда я от тебя, матушка, в другую семью... вернусь? — прошептал мальчик, дрожа. Голос его прерывался от близких слез.

* * *

По дороге встретились с семейством старейшины, которое тоже переезжало на летник: младшие дети, сыновья, невестки, внуки-правнуки, дядьки-тетки, няньки, работники-приживалы, не имеющие собственного угла. Вот уж обоз так обоз, начало здесь, а конец за холмом! Что ж, для еды малая семья хороша, для труда — большая. У рыбных озер за холмами несколько принадлежащих роду угодий ждали своей очереди из лета в лето. Отстаивались, чтобы корни трав не слабели. Знать, подошло время здешнего летника, отгороженного от невеликого пастбища Манихая и Лахсы реденькой березовой рощей.

На передних санях каравана возвышались сложенные полотна разборных домов-урас, позади пыльно волоклись связанные концы крепких жердей для оснастки остовов. Берестяные дома имеют лишь состоятельные и работающие люди. О старейшине и его жене не зря говорят: «Возьмет Силис в руки палку — превращается палка в трость, возь-

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Борисова Ариадна
У ЗВЕЗД ХОЛОДНЫЕ ПАЛЫЦЫ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *А. Демочкина*
Технический редактор *Л. Синуцына*
Корректоры *С. Луконина, О. Ануфриева*
Верстка *С. Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.03.2026.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 2000 экз. Т-РР1-39740-01-Р Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри Fiction 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри Fiction тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

